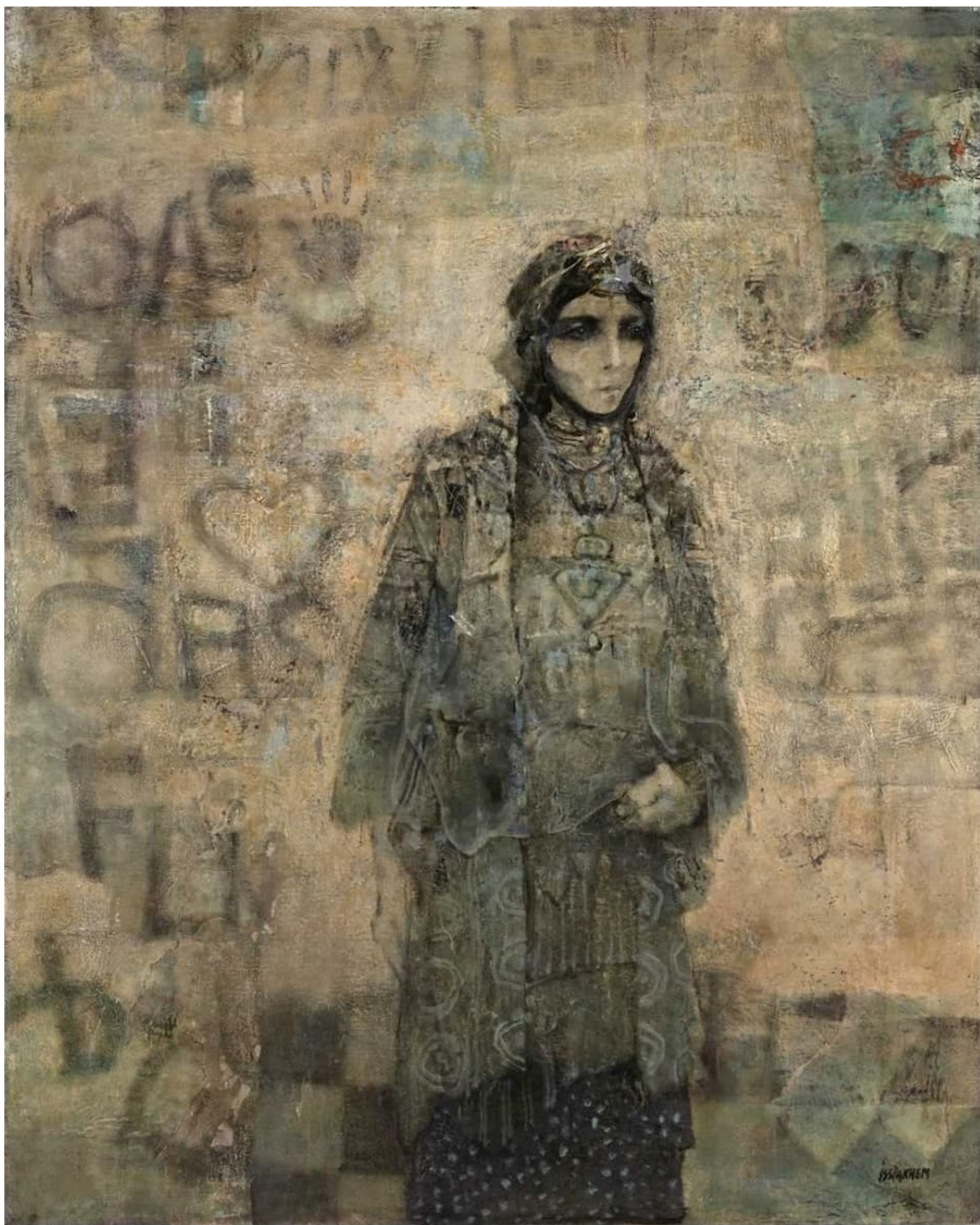

Письмо из глубокой раны: одиннадцатое письмо

Femme et Mur (Женщина и стена), 1977-78. Mohammed Issiakhem / Мохаммед Иссиахем. *Barjeel Art Foundation, Sharjah*

Дорогие друзья и подруги,

Приветствую вас из кабинета **Tricontinental: Института социальных исследований**.

Это убогие времена. Статистика лишений и смертей — чудовищна. Слишком много людей борются с **голодом**; примерно девять миллионов умирают каждый год от осложнений, вызванных недоеданием (один ребенок умирает где-то в мире каждые десять секунд из-за недоедания).

Многие из нас, журналистов и писателей, стали писцами страданий. Общим настроением является отчаяние; общие условия жизни скудны. Разговоры о надежде звучат не столько как вдохновение, сколько как упрек. Леса горят. Несчастные морей тонут в Средиземном море. В пустыне Чиуауа находят женские тела. Фашистские толпы бродят по улицам Дели. Огромной является пропасть между риторикой надежды и состоянием отчаяния. Между ними нет моста. Мы живем в ране. Это письмо из этой раны.

Куда бы вы не посмотрели, новости ошеломляют. Ключевые слова для настоящего времени довольно просты: COVID-19, финансовый кризис, изменение климата, фемицид, ксенофобия и упрямость неофашистских политиков с их толпами, которые они призывают на улицы. Не нужно копать глубоко, чтобы ужаснуться тому, что происходит, когда огромная рана распространяется по всей планете. Паника является естественной реакцией, усугубленная общим распадом социальных связей.

Идея социальных уз или даже общества не настолько убедительна в наше время. Становится все труднее и труднее воспринимать общество в цивилизованном ключе: политический дискурс, кажется, словно вышел из сточных труб, и общее чувство сострадания к другому, похоже, испарилось, под влиянием распространяемой неофашистами закаленной сталью токсичного мачизма. Это не просто проблема политического класса — это проблема, которая связана с разрушением государственных и социальных институтов, которые в противном случае могли бы сделать жизнь людей благополучнее. Если людям трудно найти работу, если сами рабочие места все больше полны стресса, если время поездок на работу увеличивается, если медицинское обслуживание трудно получить, если пенсии ухудшаются из-за более высоких расходов (включая налоги), и если просто становится все труднее и труднее справляться с повседневной жизнью — тогда ничего удивительного в том, что нервы сдают, растёт чувство гнева и общая социальная нищета выставляется на показ.

Вежливость — это не просто вопрос отношения. Вежливость — это также вопрос ресурсов. Если бы мы использовали наши значительные глобальные социальные богатства для обеспечения достойного существования друг для друга, для обеспечения медицинской помощи и ухода за пожилыми людьми, для того, чтобы решать наши насущные проблемы коллективным образом, тогда у нас было бы больше свободного времени, чтобы отдыхать среди друзей, добровольно помогать нашим близким в обществе, ближе узнать друг друга, тогда у нас было бы меньше стресса и гнева. Так и «надежда» не является

индивидуальным чувством; она должна быть рождена людьми, делающими что-то вместе, строящими общество, борющимися за свои ценности.

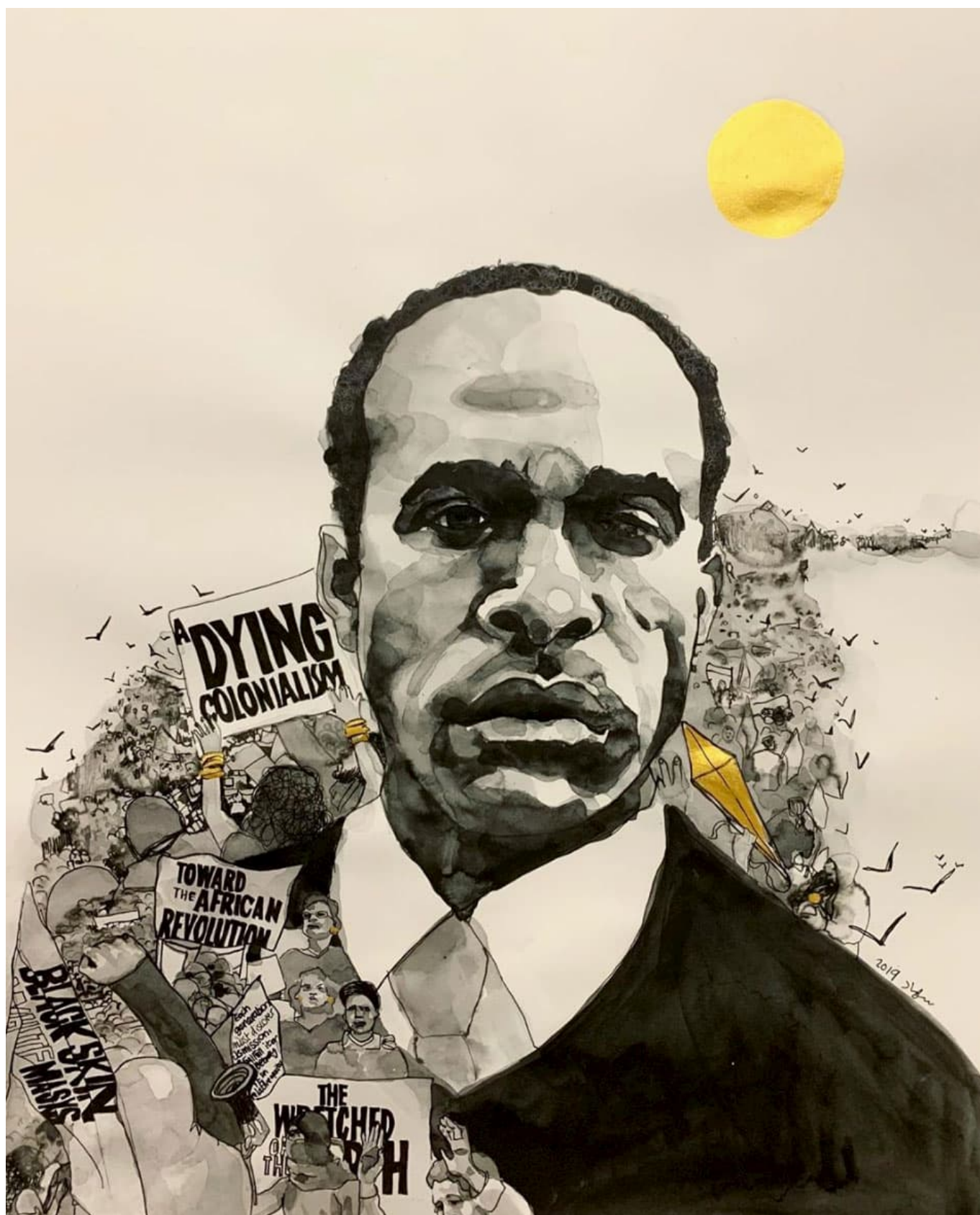
Досье номер 26. Франц Фанон: Блеск металла.

Идею “великой раны” мы берём у Франца Фанона, который писал в «Алжирской семье» (1959), что революционный интеллигент должен “более пристально взглянуть на реальность Алжира. Мы не должны смотреть на нее поверхностно. Напротив, мы должны шаг за шагом идти по той великой ране, которую нанесли алжирской земле и алжирскому народу”. Алжир находился в самом разгаре своей национально-освободительной борьбы, ведя то, что Фанон называл “галлюцинаторной войной” против французов. Утверждение

ценности человека изнутри этой “великой раны” было встречено лавиной колониального насилия. Наша рана в равной степени является галлюцинаторной, отмеченной все более мрачными формами насилия и непреходящей настоятельностью борьбы.

В офисе Института социальных исследований Tricontinental в Йоханнесбурге (Южная Африка) выходит досье № 26 - «**Франц Фанон: Блеск металла**» (март 2020 года). Досье составлено на основе работ Фанона, а также работ тех, на кого он оказал влияние, и кто затем развил его идеи, чтобы создать одно из лучших кратких предисловий к работе ключевого мыслителя нашего времени. Одна из самых насущных идей Фанона состоит в том, что интеллектуал не может просто уйти в универсальное и избежать ссора повседневной борьбы; “Жизнь

Фанона”, — отмечается в досье, — “была отмечена постоянным, мужественным и воинственным движением в настоящее и в конкретику ситуаций, в которых он оказывался”. Освобождение от убожества раны не произойдет автоматически, поскольку для создания нового человечества потребуется то, что Гегель в своей «Феноменологии духа» назвал “серьезностью, страданием, терпением и трудом негатива”, другими словами, для Фанона — преданность борьбе здесь и сейчас.

Frantz Fanon / Франц Фанон, тушь на бумаге, 18×24, 2019. Suhad Khatib / Сухад Хатиб.

Как прекрасно заметил Фанон, каждое поколение получает свой проект. Для Фанона этим

проектом была национально-освободительная борьба, которую он считал необходимым этапом на пути к подлинному интернационализму. Вот почему Фанону, родившемуся на Мартинике, было так легко втянуться в борьбу алжирского народа; он не видел борьбу в Алжире отдельной от борьбы всего третьего мира. Именно в составе алжирской делегации он впервые посетил Гану в декабре 1958 года для участия во Всеафриканском народном конгрессе. Именно в Гане он познакомился с Кваме Нкрумой (Гана), Джулиусом Ньерере (Танзания), Секу Туре (Гвинея) и, конечно же, Патрисом Лумумбой (Конго). Он попытался мобилизовать поддержку из Ганы, Гвинеи и Мали, чтобы доставить оружие в Алжир через его южную границу (в сентябре 1960 года Фанон отправился по старым торговым путям из Мали в Алжир, чтобы проверить этот маршрут); а когда в августе 1960 года Лумумба оказался под угрозой в Конго, Фанон призвал членов Конгресса послать Африканский Легион для оказания помощи правительству, что не было сделано. Надежды Фанона на деколонизацию Африки и всего колонизированного мира не имели границ.

Когда 17 января 1961 года Лумумба был убит, Фанон посвятил ему трогательный некролог. Почему Лумумба был убит? “Лумумба верил в свою миссию”, — писал Фанон, — “миссию освобождения своего народа, чтобы его народ больше не жил в великой нищете и унижении, несмотря на богатства Конго. Он был убит из-за этой миссии, с которой Фанон отождествлялся полностью. “Если Лумумба стоит на пути, Лумумба исчезает”, — писал Фанон. Быть живым, говорил он, значило броситься в такую миссию, присоединиться к борьбе, которая ждет нас впереди, и которая *создаст* освобождение. Они убили Лумумбу в 1961 году, но “никто не знает имени следующего Лумумбы”, — писал Фанон в тоже время реалистично и оптимистично. Необходимость борьбы даст рождение другому движению, со своими собственными лидерами; это было неизбежно. Надежда живет в этой неизбежности.

5 марта в The Forge в Браамфонтейне, оживленном студенческом районе Йоханнесбурга, на коллоквиуме посвященном философии и влиянию Фанона было представлено досье № 26. На собрании присутствовали активисты, профсоюзные деятели, художники, студенты и ученые, в том числе такие выдающийся фигуры как философ Мабого П. Мор и «Rebel Bishop» (Мятежный епископ) Рубин Филипп. Ведущие исследователи жизни и творчества Фанона: Найджел Гибсон, Льюис Гордон, Майкл Неокосмос и Зихона Валела — рассказали о работе Фанона как учителя, клинициста и теоретика. Они обсудили вопросы практики (*praxis*) в контексте кризиса постколонии; их внимание было сосредоточено на вопросах организации и сопротивления из великой раны. В такие моменты расцветает радикальная надежда, и освободительные идеи, выкованные в вихре борьбы, обретают блеск металла.

Клаудия Джонс родилась за десять лет до Фанона в Порт-оф-Спейне (Тринидад и Тобаго). Джонс эмигрировала вместе с родителями в Соединенные Штаты; там, в разгар кампании по спасению подсудимых из Скоттсборо в 1936 году, Джонс стала коммунисткой. Будучи членом Коммунистической партии Соединенных Штатов (КП США), Джонс была депортирована в Великобританию в 1955 году (где она сыграла важную роль в создании Ноттинг-Хиллского карнавала). Джонс путешествовала по всему миру, она посетила, конечно же, СССР и Китай, но также она посещала заседания Международной демократической федерации женщин (в том числе встречу 1952 года в Копенгагене).

В 1949 году Джонс опубликовала знаковое эссе в теоретическом журнале КП США *Political Affairs* — «*An End to the Neglect of the Problems of the Negro Woman*» («Конец пренебрежению проблемам негритянки»). Это эссе непосредственно касается вопроса о расизме и его унижении. Несколько раз в своем эссе Джонс использует слово “особенный” (*particular*). Она говорит, что существует угнетение, с которым сталкивается любое количество людей, или что эксплуатация бьет по чернокожим рабочим, но затем она подчеркивает, что система

наказывает в “особенности” чернокожих работниц с “особой суровостью”. Эта “особая суровость” представляет её интерес, что означает, что любой анализ освобождения должен быть глубоко отмечен конкретной оценкой иерархий угнетения, и что он должен учитывать конкретную логику каждого из этих слоев (или “пластов”, как она их называет); эта “особенность” угнетения настаивает на том, что не только класс должен восприниматься всерьез, не только раса должна восприниматься всерьез, но что гендер должен быть в центре анализа и практики, которая вытекает из него (с чем мы соглашаемся в **Исследованиях феминизма #1** выпущенного нашим Институтом социальных исследований Tricontinental).

Согласно этой аналитической конкретности, черные женщины по всему миру находятся, по мнению Джонс, в авангарде любой борьбы против капитализма. Особенность и “особая суровость” состояния чернокожих женщин должна быть принята всерьез, пишет Джонс, не с целью изолировать чернокожих женщин от более широкой борьбы; смысл в том, отмечает она, что если дело чернокожих женщин будет “продвинуто”, тогда она сможет занять свое “законное место” в “пролетарском руководстве национально-освободительного движения и своим активным участием внести вклад в борьбу всего американского рабочего класса, исторической миссией которого является достижение социалистической Америки, что станет окончательной и полной гарантией женской эмансипации. Ключевым словом здесь является *лидерство*.

Перечитывая Джонс, я представляю себе, как она встречается с Фаноном на одной из этих международных встреч, возможно, в Ташкенте или Бейруте, и они обсуждают их революционные теории; я представляю себе их, двух радикалов из Карибского бассейна, беседующих о “слегка растянутом” Марксе, как писал Фанон в свои последние годы. Вполне уместно, что Фанон был похоронен в Алжире, а Джонс — слева от Маркса на Хайгейтском кладбище в Лондоне. Оба этих замечательных интеллектуала настаивали на том, чтобы интеллектуалы участвовали в великих проектах своего времени, чтобы они были конкретны в отношении особенностей угнетения, и чтобы они помогли нам найти выход из великой раны.

С теплотой, Виджай.